

ЦЕННОСТНЫЕ ВЫЗОВЫ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ: МЕЖДУ ТРАДИЦИЕЙ И НОВАЦИЕЙ

УДК 335.14(44)“20”

doi 10.17072/2219-3111-2019-4-5-18

К ВОПРОСУ О ГАРМОНИЗАЦИИ ЦЕННОСТЕЙ ИММИГРАНТОВ И ПРИНИМАЮЩЕГО ОБЩЕСТВА: КВЕБЕКСКИЙ ИНТЕРКУЛЬТУРАЛИЗМ И ДИСКУССИИ О РАЗУМНЫХ КОМПРОМИССАХ (СЕРЕДИНА – ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 2000-Х ГГ.)¹

Ю. Г. Акимов

Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9
y.akimov@spbu.ru

Рассматриваются общественные дискуссии, развернувшиеся в канадской франкоязычной провинции Квебек в середине – второй половине 2000-х гг. по поводу так называемых разумных компромиссов (или разумных приспособлений), на которые может или должно пойти общество-реципиент ради интеграции иммигрантов, являющихся носителями иных культурных и религиозных ценностей. Вскрывается специфика квебекской модели интеркультурализма, которой придерживается данная провинция и которая получила международную известность. Подчеркивается, что на отношение франко-квебекского сообщества к иммигрантам влияет его двойственное положение: оно составляет большинство в провинции Квебек (по многим показателям сравнимой со средним европейским государством), но меньшинство в масштабах Канады. Отсюда его подверженность ассимиляционным страхам и стремление использовать иммиграцию в качестве источника пополнения «квебекской нации», что, в свою очередь, может приводить к конфликтам и/или взаимному непониманию из-за различия в подходах, требованиях, ожиданиях большинства и меньшинства. Приводятся примеры конфликтных ситуаций, связанных с запросами представителей меньшинств (преимущественно из числа «недавних иммигрантов» из стран «третьего мира») и реакцией на них франко-квебекского большинства, которое, с одной стороны, подчеркивает свою светскость и открытость, но с другой – не является ценностно-нейтральным, сохраняя значительный субстрат франко-канадского католического наследия. Анализируется политика провинциальных властей по отношению к данным конфликтам. Особое внимание уделяется деятельности Консультационной комиссии по практикам разумных приспособлений, связанных с культурными различиями (комиссии Бушара – Тейлора), созданной квебекским правительством в 2007 г. Отмечаются наиболее важные наблюдения и рекомендации, содержащиеся в ее итоговом докладе.

Ключевые слова: Квебек, иммиграция, иммиграционная политика, квебекский интеркультурализм, культурная конвергенция, разумные компромиссы/приспособления, комиссия Бушара – Тейлора.

Введение. Постановка проблемы

В середине – второй половине 2000-х гг. в канадской франкоязычной провинции Квебек резко увеличился объем и усилился накал общественных дискуссий о так называемых разумных компромиссах или разумных приспособлениях (фр. *accommodements raisonnables*). Под ними понимались уступки, на которые может или должно идти общество и государство, чтобы избежать дискриминации иммигрантов – приверженцев иных религий и систем ценностей – и при этом способствовать их интеграции. Данные дискуссии представляют интерес прежде всего потому, что в ходе их были подняты вопросы, касающиеся не только Квебека, но и многих других стран и регионов, которые принимают иммигрантов. Насколько ценностно-нейтральными и светскими являются общество и государство, провозглашающие себя таковы-

ми? Какие шаги навстречу запросам иммигрантов считать оправданными и разумными, а какие – излишними, и как они соотносятся с принципом равенства граждан? Как при этом не ущемить коллективные интересы большинства? Что можно требовать взамен сделанных уступок? Об этих вопросах в контексте опыта квебекского интеркультурализма пойдет речь в настоящей статье.

Квебек: общество, государство, иммиграционная политика

Провинция Квебек *de facto*, а отчасти и *de jure* занимает особое положение в Канадской федерации. Большинство ее населения составляют франкоязычные квебекцы, или франко-квебекцы (*Québécois*), обладающие собственной идентичностью и выраженным национальным самосознанием, отличным от общеканадского. В 2006 г. франко-квебекцы официально были признаны «нацией в составе единой Канады». По ряду показателей (численность населения, объем ВВП, уровень жизни и др.) Прекрасную провинцию² можно сравнить со многими «средними» западноевропейскими государствами, тогда как по размерам территории и запасам различных природных ресурсов она относится к числу мировых лидеров.

Современный Квебек позиционирует себя как открытое светское общество, признающее демократические ценности и говорящее на французском языке, который является единственным официальным языком провинции. Однако не следует забывать, что данное общество сформировалось на базе франко-канадской этнической группы, или нации (*Canadiens français*), исторические корни которой восходят к эпохе французского колониального господства в Канаде [Коленеко, 2006]. На протяжении двух веков (от английского завоевания Новой Франции в 1760 г. до начала Тихой революции в 1960 г.) франко-канадцы противостояли британскому ассимиляционному давлению, осознавая себя прежде всего как коллектив, спаянный общностью происхождения, языка, культуры и католической религии.

Национальный подъем франко-канадцев, пришедшийся на первую половину – середину 1960-х гг. и получивший название Тихой революции, помимо прочего привел к «квебекизации» Французской Канады [McEwen, 2006, p. 27]. С этого момента франко-канадцы стали рассматривать провинцию Квебек и ее институты как основной инструмент защиты и продвижения своих интересов, как свое «государство» (пусть и не суверенное, а «федерированное»), а самих себя – как франко-квебекцев. В Квебеке развернулся интенсивный процесс национального строительства, затронувший самые разные сферы: от экономики (перевод в собственность провинции целых отраслей) до культуры и образования (создание системы светских школ и университетов). Франко-квебекское общество стремительно обретало открытый и светский характер.

До начала 1960-х гг. Квебек был основным бастионом католицизма в Канаде. Церковь контролировала медицину, образование, социальную сферу, профсоюзы, кооперативы и даже сферу досуга. Однако в течение лишь одного десятилетия в Прекрасной провинции прошла стремительная деклерикализация, в результате чего церковь оказалась вытеснена на периферию общественной жизни, ее влияние заметно упало. Квебек, во многом заимствовавший французский подход к отделению церкви от государства, стал, пожалуй, наиболее светской из всех канадских провинций [Milot, 2005, p. 18].

Одновременно наметился всплеск сепаратистских настроений, кульминацией которых стали два референдума о суверенитете (1980 и 1995 гг.). Важнейшим элементом всей провинциальной политики стал «новый» франко-квебекский национализм, опиравшийся на общность территории и языка, в отличие от «старого» франко-канадского, апеллировавшего к «кровному родству» и католической вере [Balthazar, 1986, p. 132].

Между тем и «старый», франко-канадский, и «новый», квебекский, национализм в значительной степени произрастал на одной почве – ассимиляционных страхов. Франко-канадцы, или франко-квебекцы, как группа, – всегда чувствовали уязвимость своего положения в окружении англоязычного большинства. На протяжении всей истории Канадского государства (с момента его образования в 1867 г.) численность носителей французского языка в нем в количественном отношении росла, но в процентном – неуклонно сокращалась. Так, в конце XIX в. франко-канадцы составляли около трети населения доминиона, а спустя сто лет – не более четверти. По данным последней переписи населения (2016 г.) французский язык является родным для 21% канадцев, сосредоточенных главным образом в Квебеке и нескольких прилегающих к

нему районах соседних провинций (Population, 2016). В этой ситуации задача обеспечения национального «выживания» и «самосохранения» имела для франко-квебекцев особое значение.

До Тихой революции данная задача решалась почти исключительно за счет высочайшего уровня рождаемости, который обеспечивал количественный рост франко-канадского сообщества («реванш колыбелей»). Какого-либо пополнения «извне» оно почти не получало. Иммиграция из Франции прекратилась еще в середине XVIII в., а выходцы из других стран, переселявшиеся в колонии Британской Северной Америки, с франко-канадцами не смешивались (в том числе в тех районах, где последние составляли большинство населения). Это было обусловлено закрытым характером франко-канадского сообщества, низким социальным статусом франко-канадцев, долгое время считавшихся людьми второго сорта, доминирующим положением англо-канадцев, более высоким статусом английского языка и др.

В годы Тихой революции франко-канадское сообщество быстро прошло фазу демографического перехода, связанную с резким падением рождаемости и ростом численности людей среднего возраста. Эти тенденции вызвали серьезное беспокойство в Квебеке, переживавшем, как уже отмечалось, национальный подъем и охваченном процессами национального строительства. В контексте последних очевидным решением стало использование иммиграции как одного из средств пополнения рядов франко-квебекского сообщества.

Согласно канадской конституции иммиграционная политика относится к сфере смешанной (конкурирующей) юрисдикции центра и провинций. Ст. 95 Конституционного акта 1867 г. предоставляет провинциям право «издавать законы, касающиеся ... иммиграции», которые, однако, имеют силу «в провинции и для провинции лишь до тех пор и постольку, пока и постольку не противоречат какому-либо акту Парламента Канады» (Конституции, 1997, с. 521–532). На практике вплоть до последней четверти XX в. вопросы иммиграции в Канаде находились почти исключительно в ведении федеральных властей. Тем не менее уже в годы Тихой революции в Квебеке стали говорить о необходимости учета провинциальных интересов в процессе отбора иммигрантов. Прежде всего речь шла о двух моментах: о привлечении в провинцию франкофонов – выходцев из франкоязычных стран и интеграции иммигрантов-нефранкофонов во франко-квебекское сообщество.

Постепенно Квебек смог добиться и первого, и второго. В 1968 г. в провинции было создано министерство иммиграции (сейчас министерство иммиграции, разнообразия и инклюзивности). В 1978 г. была достигнута договоренность о привлечении квебекских представителей к рассмотрению досье иммигрантов, желающих обосноваться в провинции. Наконец, в 1991 г. Оттава и Квебек заключили всеобъемлющее федерально-провинциальное соглашение по вопросам иммиграции и временного приема иностранцев. По его условиям провинциальные власти Квебека получали право самостоятельно осуществлять отбор иммигрантов, для чего им перечислялись федеральные средства, за «центром» же остались только вопросы, связанные с проверкой досье, оформлением документов и т.п. (Canada–Québec, 1991).

Со второй половины 1970-х гг. в Квебеке стала проводиться политика тотальной «франсизации» (или офранцузивания), целью которой было обеспечение доминирующего положения французского языка во всех сферах жизни общества. В частности, был значительно ограничен доступ к получению начального и среднего образования на английском языке. Данная мера была нацелена прежде всего на иммигрантов-нефранкофонов, поскольку ранее многие из них стремились отдать своих детей в английские школы.

Квебек добился контроля над иммиграционной политикой в тот момент, когда расово-этнический состав претендентов на статус легального иммигранта и в перспективе канадского гражданина существенно изменился, а их количество заметно возросло. Так, в течение 1971 г. в Квебек прибыло порядка 14 тыс. иммигрантов; более 60% от них составляли выходцы из Европы. В совокупности они обеспечили примерно треть прироста численности населения провинции (остальные две трети были получены за счет рождаемости). Всего же в тот момент иммигранты составляли 7,8% жителей Квебека (Montréal, 2016).

За последующие десять лет доля европейцев в среде квебекских иммигрантов резко сократилась, составив в 1981 г. 28,3%. К 1991 г. она еще больше снизилась (до 18,4%) и затем стабилизировалась примерно на этом уровне (18,5% в 2011 г., 18,3% в 2016 г.). В свою очередь, процент выходцев из азиатских, африканских и латиноамериканских стран вырос. В 1980–1990-

е гг. Квебек впервые столкнулся с массовым наплывом иммигрантов из Азии (в 1981 г. они составили 33% всех иммигрантов, а в 1991 г. – 44%) а в 2000-е гг. – из Африки (31,8% в 2011 г.) (Ibid.).

Количественно иммиграция также увеличивалась. До середины 1990-х гг. ее рост был скачкообразным, однако затем он пошел почти исключительно по восходящей линии. За 1991 г. провинция приняла 26,7 тыс. человек, за 2001 г. – около 36 тыс., за 2011 г. – более 51 тыс., за 2016 г. – 60,5 тыс.! Соответственно заметно увеличилась доля иммигрантов в населении Квебека – в 2016 г. она составила 13,7 %, или почти 1,1 млн. человек (Ibid.). Кардинальным образом изменилось соотношение роли рождаемости и иммиграции в обеспечении прироста населения: с 1999 г. последняя стабильно опережает первую и разрыв продолжает расти.

Следует отметить, что традиционно основная часть иммигрантов, прибывающих в Квебек, оседает в районе Большого Монреаля – крупнейшей квебекской агломерации. В начале XXI в. иммигранты стабильно составляют около четверти ее населения (в отдельных муниципалитетах – свыше 40%). В остальных городах провинции (не говоря уже о сельских районах) их доля существенно ниже (в г. Квебек всего 5,7%) (Ibid.).

Квебек продолжает стремиться придать своей иммиграционной политике «национально-ориентированный» характер, то есть не просто обеспечить себя квалифицированной рабочей силой, но привлечь в провинцию людей, которые смогут интегрироваться во франко-квебекское общество. На практике это проявилось прежде всего в том, что в Квебек в бóльшем количестве, чем в «остальную Канаду», стали въезжать выходцы из стран Магриба, франкофонной тропической Африки, Гаити, Вьетнама и др. В целом в среде иммигрантов, въезжающих в Квебек, наметилось увеличение доли лиц, владеющих французским языком. Если в 1971 г. им владели 49% иммигрантов, то в 1981 г. – уже две трети, а в 2016 г. – 81% (Ibid.).

Помимо ощутимых экономических выгод наплыв иммигрантов принес ряд проблем, среди которых важнейшей была проблема их интеграции во франко-квебекское общество. В решении этой проблемы Квебек также пошел своим путем.

Квебекский интеркультурализм против канадского мультикультурализма

В 1971 г. в Канаде правительством П.Э. Трюдо была провозглашена и с тех пор реализуется политика мультикультурализма, предполагающая отсутствие какой-либо доминирующей культуры и поддержку сохранения и преумножения этнокультурного разнообразия (при наличии на федеральном уровне двух официальных языков). В 1982 г. соответствующие положения были внесены в конституцию, а в 1988 г. на уровне федерального законодательства мультикультурализм был объявлен «фундаментальной чертой канадского наследия и идентичности» (Canadian, 1988).

В Квебеке политика мультикультурализма с самого начала вызвала неприятие. Франко-квебекцы усматривали в ней плохо завуалированное средство отвергнуть их притязания на преобразование Канады в «дуалистическое», или «двунациональное», государство, где они и англо-канадцы считались бы «народами-основателями» (эта идея была популярна в 1960–1970-е гг.), и «низвести» их на уровень «одного из меньшинств» в преимущественно англоязычной стране [Waddington et al, 2012, p. 315]. Во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. с мультикультурализмом связывали провалы попыток закрепления за Квебеком «особого статуса» в федерации (Мич-Лейкское и Шарлоттаунское соглашения явно не вписывались в мультикультурализма контекст). Он также рассматривался как угроза франко-квебекской идентичности и ее доминированию в Прекрасной провинции, поскольку основывался на двуязычии. Наконец мультикультурализм критиковали за фактическое поощрение «геттоизации» этнокультурных сообществ и антидемократизм, поскольку декларируемое «право на различие» на деле часто приводило к различию и ущемлению в правах [McAndrew, 2016].

В пику канадскому мультикультурализму в Квебеке была сформулирована и начала претворяться в жизнь политика интеркультурализма, которая была неразрывно связана с процессами национального строительства и франсизации как его основного элемента. Позиционируя себя как «особое политическое сообщество», Прекрасная провинция стремилась включить в него всех приезжающих в Квебек иммигрантов.

В 1981 г. в провинции был выпущен официальный документ «Много способов быть квебекцем» (Autant, 1981), где подчеркивалось, что в отличие от федеральных установок квебек-

ская модель интеграции делает упор на идею конвергенции. В 1990 г. иммиграционным ведомством Квебека была сформулирована идея «морального контракта». Согласно ей все желающие обосноваться в провинции и стать полноправными членами ее общества должны безоговорочно принимать и осознавать то, что, во-первых, это «общество, в котором французский язык служит общим языком социальной жизни»; во-вторых, это «демократическое общество, где участие и вклад каждого ожидаем и поощряем»; в-третьих, это «плюралистическое общество, открытое многообразным вкладам в пределах, установленных уважением фундаментальных демократических ценностей и необходимостью межобщинного обмена» (Au Québec, 1990, p. 15).

«Моральный контракт» стал официальной установкой квебекских властей. При этом подчеркивалось, что в нем утверждается, «что из этого выбора общества вытекают права и обязанности, которые равно прилагаются, с одной стороны, к иммигрантам, а с другой – к самому принимающему обществу <...> и его институтам. Быть квебекцем – это значит на деле быть вовлеченным в тот выбор, который сделало общество Квебека. Для иммигранта, обосновывающегося в Квебеке, выбор последнего в качестве места проживания означает связывание себя <...> как и всякого другого гражданина, обязательством уважать выбор этого самого общества» [Gagnon, 2003, p. 422].

Очевидно, что целью основанной на «Моральном контракте» политики интеркультурализма была и остается интеграция иммигрантов во франко-квебекское общество. Ее важнейшим инструментом и одновременно «очагом конвергенции» является французский язык – «общее достояние, которое необходимо защищать и поощрять» [Labelle et al., 1995, p. 221]. Последнее требуется от всех жителей Квебека, независимо от их происхождения, групповой принадлежности и т.п. Использование французского языка рассматривается как «минимальное условие», без которого невозможны реализация гражданских прав и демократия.

В то же время квебекский интеркультурализм не предполагает полного вытеснения плюрализма в частную сферу, как этого требует «чистый» республиканизм (якобинизм), и тем более отказа индивидов от этнокультурной или любой другой специфики [McAndrew, 2016]. Она допускается и поощряется, исходя из демократических принципов и чисто утилитарных соображений – естественно, при условии соблюдения законности. Другое дело, что «общие гражданские нормы, образующие основу социальной сплоченности», стоят над «партикуляризмом этнических культур», защищая права как меньшинства, так и большинства [Pagé, 1991, p. 146]. Точно так же указывается на «фундаментальное различие между статусом французского языка как общего языка публичной сферы и статусом других языков» [Labelle et al., 1995, p. 225].

Квебекская модель интеркультурализма вызвала большой интерес во всем мире и стала примером для подражания (см.: [Куропятник, 2018]). Ее сторонники подчеркивали, что «интеркультурализм стремится прежде всего найти равновесие между индивидуальными правами и культурным релятивизмом, делая упор на “расширении горизонтов”, благодаря диалогу и соглашениям, ведущим к консенсусу» [Gagnon, 2003, p. 425]. Общие язык и ценности способствуют общению и взаимному обогащению представителей различных культур, которые таким образом вносят вклад в развитие принимающего общества.

Дискуссии о разумных компромиссах 2006–2007 гг.

Осуществление политики интеркультурализма на практике было сопряжено с рядом проблем. Значительная часть их была связана со специфическими запросами иммигрантов, желающих придерживаться определенных норм, традиций, обычаев, и ответной реакцией франко-квебекского общества. «Лакмусовой бумажкой», позволяющей обнаружить многие из этих проблем, стали напряженные дискуссии о разумных компромиссах, развернувшиеся в Квебеке в 2006–2007 гг.

Понятие «разумный компромисс», или «разумное приспособление», первоначально применялось в канадском трудовом праве при преодолении конфликтных ситуаций, связанных со специфическими запросами работников. Так, в случае, если какая-либо норма нарушала индивидуальные права, ее можно было «разумно» смягчить, чтобы позволить их реализовать, не нанося при этом ущерба правам других. Впервые данное понятие было использовано в 1985 г., когда суд провинции Онтарио рассматривал дело, связанное с жалобой продавщицы, потерявшей статус постоянного работника из-за того, что по религиозным соображениям отказывалась работать по субботам (она была прихожанкой пятидесятнической Всемирной церкви Бога, счи-

тающей этот день праздничным). Суд тогда решил дело в ее пользу, исходя из того, что работодатель мог без ущерба для себя изменить график работы данной продавщицы таким образом, чтобы она не работала по субботам, но вырабатывала положенную постоянному работнику норму часов (Ontario, 1995).

В дальнейшем практика применения разумных компромиссов получила достаточно широкое распространение, в том числе в Квебеке. Однако если первоначально она охватывала случаи с индивидуальными правами, то постепенно распространилась на случаи с правами коллективными. Естественно, это стало привлекать внимание общественности.

Первым случаем, получившим широкий общественный резонанс, стало «дело Мултани». В течение ряда лет (с 2001 по 2006 г.) подросток-сикх Гурбадж Сингх Мултани и его родители (недавние иммигранты из индийской части Пенджаба, живущие в пригороде Монреаля) вели судебные тяжбы, требуя предоставить Гурбаджу право носить в школу кирпан – ритуальный нож, поскольку в соответствии с установками сикхизма он всегда должен иметь его при себе. Школьная администрация исходила из того, что кирпан является холодным оружием, которое недопустимо приносить в учебное заведение по соображениям безопасности, и это правило должно распространяться на всех учеников. Семья Мултани настаивала на том, что это религиозный символ. Дело прошло несколько судебных инстанций. В Квебеке апелляционный суд встал на сторону школы и запретил приносить туда кирпан. Однако Верховный суд Канады посчитал, что, поскольку речь идет о праве свободно исповедовать религию, Мултани может иметь кирпан при себе при условии, что он будет находиться, во-первых, в ножнах, а во-вторых, в сумке, сшитой таким образом, что его будет нельзя оттуда достать (Multani, 2006).

Публикация решения Верховного суда по делу «Мултани против совета школы им. Маргариты Буржуа и генерального прокурора Квебека» в начале марта 2006 г. послужила началом «медиа-цунами» – всплеску интереса провинциальных СМИ к тематике, связанной с разумными компромиссами и интеграцией иммигрантов, а также значительному накалу общественных дискуссий по этому поводу. Согласно опросам общественного мнения подавляющее большинство жителей Прекрасной провинции было недовольно решением высшей судебной инстанции страны. К уступке, сделанной юному сикху, негативно отнеслось 94% франко-квебекцев и 79% квебекских нефранкофонов (Sikh, 2013). Родители детей, учившихся в одной школе с Мултани, возмущенно указывали на то, что они строго соблюдают принцип светскости и, хотя большинство учеников происходит из католических семей, из классов убраны распятия, долгое время являвшиеся атрибутом любого учебного (и не только) помещения в Квебеке (Teen's, 2006).

В поле зрения общественности и журналистов попали и другие спорные случаи разумных компромиссов, в том числе те, которые имели место еще в начале 2000-х гг. В частности, стала широко обсуждаться ситуация в монреальском округе Утремон, значительную (но не преобладающую) часть населения которого составляют евреи. В 2001 г. они обратились к местным властям с просьбой разрешить установку эйрува – символического ограждения (в виде проволоки на столбах), позволяющего находящимся в его пределах совершать некоторые действия, запрещенные в шабат. Сперва им в этом было отказано, но Верховный суд Квебека встал на сторону еврейской общины, и эйрув был установлен (Rosenberg, 2001). Этот случай прошел незамеченным, но в 2007 г. привлек к себе внимание в связи с тем, что по просьбе хасидов, проживающих в «зоне эйрува», мэрия Утремона отменила запрет на парковку на трех улицах, прилегающих к их синагоге, в дни основных иудейских религиозных праздников. После этого аналогичной отмены добилась армянская община, однако двум католическим приходам, обратившимся с такой же просьбой, было отказано на том основании, что около их церквей достаточно парковочных мест, которые, как показывает практика, не заполняются во время служб (Privilèges, 2007). Это дало повод обвинить мэрию в предвзятости и нарушении принципов равенства и светскости.

Те же самые обвинения звучали в связи с «делом о матовых окнах YMCA». Его суть состояла в следующем. Окна одного из спортивных залов YMCA (Молодежной христианской ассоциации) в Монреале, на авеню Парк, выходили на здания, принадлежавшие хасидской общине Йетев Лев (Yetev Lev). В апреле 2006 г. община попросила администрацию спортзала поставить за счет общины в окна матовые стекла, мотивируя это тем, что детям-хасидам не подобает смотреть на женщин в спортивной одежде, поскольку у тех могут быть обнажены руки, ноги и

т.п. Администрация согласилась, и стекла были заменены. Однако это вызвало волну протеста, сделанная уступка критиковалась как излишняя и неразумная. Феминистские организации (и не только они) были возмущены тем, что женское тело рассматривалось как угроза. Посетители зала начали сбор подписей, требуя вернуть в спортзал обычные прозрачные стекла. В итоге в начале 2007 г. администрация и община смогли найти решение, с которым согласились все стороны: отказаться от матовых стекол, но установить на окнах жалюзи, которые могут закрываться с согласия посетителей спортзала (Accommodements, 2007; Des vitres, 2007).

Широкую огласку получило «дело сахарной хижины», связанное с поведением нескольких групп мусульман во время организованного посещения загородного праздника сбора кленового сиропа в районе Мон-Сен-Грегуар 11 марта 2007 г. Такие праздники являются важным элементом франко-квебекской культуры и рассматриваются как средство приобщения к ней иммигрантов. По версии ряда СМИ, в «хижине» Сен-Жан-сюр-Ришельё посетители-мусульмане потребовали исключить из подаваемых на празднике традиционных франко-квебекских блюд (гороховый суп и тушеные бобы) копчености из свинины, что, естественно, принципиально изменило их вкус и не понравилось другим клиентам. В соседней «хижине» Су-Буа около 50 мусульман потребовали предоставить им помещение для молитвы. Поскольку такового не нашлось, они вошли в танцевальный зал, остановили музыку и начали совершать намаз, вынудив находившуюся там публику удалиться (Des accommodations, 2007).

Этот случай, к обсуждению которого подключилась даже Ассоциация рестораторов, преподносился как пример вопиющего нарушения прав большинства и совершенно неоправданных уступок меньшинству. Очевидцы произошедшего в Су-Буа с возмущением писали на форумах в интернете, что «они [мусульмане] полагают, что им все позволено» (Les accommodations).

По версии же мусульманских организаций Квебека события в сахарных «хижинах» в районе Мон-Сен-Грегуар в тот день разворачивались несколько по-иному. Изменения в меню были согласованы заранее; копчености из свинины в некоторых блюдах были заменены курицей, а в некоторых – халяльной колбасой, оплаченной посетителями-мусульманами, которых было около 260 человек. Что касается танцевального зала, то использовать его для молитвы предложила администрация Су-Буа, не желавшая или не имевшая возможности освободить другое помещение (Des accommodations, 2007).

В феврале 2005 г. два сотрудника службы скорой помощи доставили пациента в монреальский еврейский госпиталь (учреждение, содержащееся за счет провинциального бюджета и официально являющееся внеконфессиональным). После этого они зашли в кафетерий для персонала, чтобы съесть принесенные с собой сэндвичи. Администрация не позволила им это сделать, поскольку их еда не была кошерной, а охранник вывел их из помещения (Un ambulancier, 2006). Впоследствии один из сотрудников, Ивон Верро, обратился в Трибунал по защите прав личности.

Параллельно шло обсуждение многих других случаев, за которыми в СМИ развернулась настоящая «охота». Среди них

- конфликт по поводу соблюдения медицинскими сестрами из государственного медицинского центра им. Терезы де Бленвиль особого дресс-кода при обслуживании на дому пациентов из хасидской общины;
- дискуссии по поводу требований мусульман и ортодоксальных иудеев при прохождении экзамена по вождению предоставлять им экзаменатора одного пола с экзаменуемым;
- слухи о сверхдоходах от кошерной сертификации пищевых продуктов;
- история с запретом девушке-игроку в хиджабе участвовать в футбольном матче и мн. др.

В ходе обсуждений франко-квебекская общественность проявила озабоченность, с одной стороны, сохранением общедемократических принципов, прежде всего принципа равенства мужчин и женщин и принципа светскости, с другой стороны, защитой собственного наследия и идентичности.

Ярким примером реакции франко-квебекцев на дискуссии о разумных компромиссах может служить история с «кодексом Эрувия». В конце января 2007 г. муниципальный совет Эрувия – крохотного городка в Морисии – единогласно принял список норм, которые должны со-

блюдаются всеми лицами, желающими поселиться в нем. Автором списка был председатель совета Андре Друэн. Это был своего рода кодекс поведения, имеющий явно выраженную анти-мусульманскую направленность, хотя в Эрувиле не было иммигрантов: ни мусульман, ни немусульман. В кодексе, в частности, подчеркивались равноценность и равные права мужчин и женщин; недопустимость применения телесных наказаний (в том числе побивания камнями); уважение местных традиций (установка и украшение елок, употребление алкоголя в специально отведенных для этого местах); отсутствие запретов на обслуживание работниками государственных медицинских и иных учреждений представителей противоположного пола; следование определенным принципам, стандартам, применяемым в образовательных учреждениях; смешанный характер общественных спортивных мероприятий и развлечений; запрет кому бы то ни было закрывать лицо в общественном месте, за исключением традиционных праздников и т.п. (Municipalité, 2007).

Данный документ (кстати, не имеющий юридической силы) «прославил» Эрувиль во всем мире и вызвал противоречивую реакцию. С одной стороны, на Андре Друэна и его сограждан посыпались обвинения в ксенофобии, расизме и т.п.; их злобно высмеивали и изображали в карикатурном виде (не только в Квебеке, но и далеко за его пределами). С другой стороны, они получили определенную поддержку, прежде всего за пределами Большого Монреаля: несколько городков из квебекской глубинки заявили о том, что они вводят у себя «кодекс Эрувиля». В целом появление этого списка норм явно свидетельствовало о высокой степени напряженности во франко-квебекском обществе, испытывавшем «дискомфорт идентичности», а также обеспокоенном посягательством на демократические принципы и столь дорогую для него светскость.

Иоланда Джеймс, квебекский политик, вскоре после этого ставшая министром иммиграции (и первой темнокожей женщиной – членом правительства Квебека), позднее так охарактеризовала случившееся: «Эрувиль, даже если это было смешно, был сигналом для нас. Именно тогда мы поняли, что это никуда не денется» (What, 2017).

Действительно, в начале 2007 г. накал дискуссий о разумных компромиссах достиг апогея. Дискуссии стали приобретать политический характер, чего опасалось либеральное правительство, поскольку приближались очередные провинциальные выборы, намеченные на 26 марта.

В этой ситуации 8 февраля 2007 г. премьер-министр Квебека Жан Шаре выступил с программным заявлением. В нем, во-первых, он подчеркнул претензии Квебека на «национальный» статус и наличие у него особых ценностей:

«Квебек – это нация. В силу своей истории, своего языка, своей культуры и своих институтов нация Квебека обладает [собственными] ценностями, ценностями прочными, среди которых: равенство между мужчинами и женщинами, первенство (primauté) французского языка, разграничение государства и религии. Эти ценности являются основополагающими. Они должны приниматься вместе с Квебеком. Они не могут быть объектом никакого компромисса. Они не могут быть подчинены никакому другому принципу».

Во-вторых, Шаре подтвердил приверженность политике интеркультурализма и интеграции:

«...Квебек это также принимающее общество... Каждый год более 45000 человек со всего света выбирают Квебек в качестве места своего проживания. [Они] ... приезжают в Квебек, чтобы разделить с нами наши достижения, жить свободно и строить для себя новую жизнь. Они – приветствуются. Мы нуждаемся в их притоке в Квебек. Они <...> обогащают Квебек своими знаниями и своей культурой. Вместе с нами они создают Квебек.

Каждый из них обязан интегрироваться в нашу нацию. Это означает, что они должны придерживаться наших основных ценностей... Взамен <...> мы должны принять их и облегчить их интеграцию <...> мы должны помочь иммигрантам укорениться у нас. Учиться. Работать. Создать семью и изменить свою жизнь...».

В-третьих, провинциальный премьер осудил практику неразумных компромиссов:

«Эти истории, которыми пестрят заголовки <...> матовые окна в YMCA <...> женщина полицейский, которая должна избегать разговора с хасидом, мужчина, который должен покинуть общественный бассейн, потому что там плавают мусульманские женщины... Это отнюдь

не разумные компромиссы. Это сделки, которые противоречат ценностям нашей нации. <...> Это прямая противоположность разумным компромиссам» (Pratiques, 2007).

В заключении Шаре объявил о создании Консультативной комиссии по вопросам компромиссов, связанных с культурными различиями. С политической точки зрения это был верный ход, поскольку либеральное правительство получало передышку, которую могло использовать для подготовки и проведения выборов в Национальную ассамблею Квебека.

Комиссия Бушара – Тейлора, ее выводы и рекомендации

Перед Консультативной комиссией было поставлено несколько задач. Она должна была разобраться с конфликтными ситуациями, возникшими в ходе реализации квебекской политики интеркультурализма, и выработать рекомендации по осуществлению практики разумных компромиссов, исходя из ценностей квебекского общества. Предполагалось также, что комиссия изучит зарубежный опыт интеграции и проведет широкие общественные слушания по вопросам, связанным с разумными компромиссами / приспособлениями. Правительство ожидало, что все это позволит снять напряженность в обществе. Бюджет комиссии составил 5 млн. долл. К ее работе были привлечены ведущие эксперты и исследователи из разных университетов. Сопредседателями комиссии были назначены два авторитетнейших квебекских интеллектуала: социолог и историк Жерар Бушар и философ Чарльз Тейлор.

Комиссия работала в целом больше года: ее итоговый доклад был представлен в мае 2008 г., а официально она завершила свою деятельность месяц спустя. Наиболее активная фаза ее работы пришлась на осень 2007 г. (Let the debate, 2007). Комиссия провела десятки публичных мероприятий различного масштаба: встречи с общественностью в 17 городах всех регионов провинции, «национальные форумы» по вопросам идентичности и ценностей, консультации с экспертами, представителями общественных организаций, религиозных объединений, профсоюзов. Все они были открыты для публики, обычно проходили в заполненных залах и широко освещались в СМИ. В комиссию в большом количестве поступали обращения отдельных граждан, муниципалитетов, групп и т.п.

В ходе работы комиссия выявила несколько тенденций в настроениях большинства представителей франко-квебекского общества, прежде всего их глубокую озабоченность сохранением своего доминирующего положения в Прекрасной провинции в условиях увеличивающегося наплыва иммигрантов – представителей иных культур, грозящего «затопить» с таким трудом построенное «государство». При этом стало очевидно, что франко-квебекское общество не едино в вопросах, касающихся его идентичности. С одной стороны, имела место апелляция к принципам светскости, отделения церкви от государства, гендерного равенства и иным как основным «квебекским ценностям». Например, житель Труа-Ривьера (третьего по величине города провинции) Ив Дерозье, по специальности рабочий-электрик, направил в комиссию шестистраничный текст, где подчеркивал, что «никакие культурные или религиозные ценности не могут ставиться выше гражданских законов Квебека». Там же говорилось, что «любая гражданская деятельность должна быть полностью свободна от религиозного стеснения», и осуждались «маленькие закрытые сообщества», которые отказываются интегрироваться и «признавать фундаментальные ценности Квебека» (Mémoire sur les pratiques, 2007).

С другой стороны, часть франко-канадцев вспомнила о своем католическом наследии. Мэр города Сагнэ (Сагений) Жан Трамбле в пространном меморандуме, представленном комиссии, указывал на то обстоятельство, что католическая церковь в прошлом играла исключительную роль в историческом развитии Французской Канады и становлении ее системы ценностей, что наложило печать на современную франко-квебекскую идентичность, хотя религия и вынесена в частную сферу. «Квебек имеет свою историю, свои традиции, свою идентичность. Эта идентичность прежде всего глубоко укоренена в его французском и католическом происхождении» (Mémoire sur les accomodements, 2007, p.23). Далее подчеркивалось, что «квебекская коллективная душа пропитана связью между культурой и религией» и это обстоятельство невозможно не учитывать. Соответственно, в общественном пространстве вполне могут присутствовать «отсылки к католическому наследию, которое напоминает об исторических и культурных корнях Квебека», и это не является барьером на пути коммуникации (Ibid., p. 24–25). Параллельно в этом же документе осуждались некоторые исламские обычаи, в частности, ношение женщинами традиционного головного убора (хиджаба, никаба и т.п.), которое «для по-

давляющего большинства квебекцев» является «символом внешнего доминирования над женщиной» (Ibid., p. 37). Трамбле осуждал практику избыточных и неразумных компромиссов, которые многие квебекцы рассматривают как провокацию. Он ссылаясь на то, что согласно опросам подавляющее большинство жителей Прекрасной провинции, причем не только франко-квебекцев, но и представителей меньшинств, считают, что действующие законы и установления обязательны к исполнению даже в том случае, если они противоречат некоторым религиозным практикам и убеждениям (Ibid., p. 39).

Эти и многие другие подобные заявления указывали как минимум на две взаимосвязанные тенденции, проявившиеся в настроениях франко-квебекского большинства. Во-первых, опасения в связи с угрозой реклерикализации различных сторон жизни общества и государства. Как тогда заметил известный квебекский публицист С. Арун, «у квебекцев создалось впечатление, что, после того как посох и кропило были вынесены из публичных институтов через дверь <...> догма под прикрытием религиозной свободы и мультикультурализма возвращается через широко распахнутое окно неуместной толерантности, пользуясь лакунами в законодательстве» [Haroun, 2008, p. 157]. Во-вторых, ощущение известной растерянности, возникшее при столкновении с жесткими требованиями носителей иных систем ценностей. По этому поводу сопредседатель комиссии Ж. Бушар высказал мнение о том, что «коренные квебекцы испытывают неуверенность перед лицом иммиграции», поскольку «культура иммигрантов кажется им более устойчивой», чем их собственная, в том числе из-за того, что первая опирается на гораздо более «живую» религиозную традицию (La sinistrose, 2007).

Официально комиссия дистанцировалась от политических дискуссий, однако полностью избежать их не удалось. Сами сопредседатели комиссии придерживались разных взглядов на многие вопросы политической повестки, включая вопрос о будущем Квебека. Чарльз Тэйлор был известен своими «федералистскими» взглядами (то есть выступал за то, чтобы Квебек оставался в составе Канады). С 1960-х гг. он был сторонником Новой демократической партии³, одно время даже возглавлял ее квебекскую секцию. Жерар Бушар, наоборот, симпатизировал идее независимого Квебека, поддерживая своего старшего брата Люсьена Бушара – одного из наиболее ярких лидеров суверенистского движения, занимавшего в 1995–2001 гг. пост провинциального премьера.

Итоговый доклад комиссии представлял собой весьма объемный документ (более 300 страниц), содержащий помимо описательной и аналитической частей ряд конкретных рекомендаций (Bouchard, Taylor, 2008). В докладе отмечалось, что в Квебеке отсутствуют явные проявления расизма и ксенофобии, и в то же время признавалось, что значительная часть его населения серьезно озабочена использованием неразумных компромиссов и сохранением франко-квебекской культуры и идентичности. Последнее связывалось со спецификой ситуации в провинции, где «большинство <...> реагирует как меньшинство». То есть франко-квебекцы, составляющие большинство населения Квебека, постоянно воспринимают себя как меньшинство в масштабах Канады и тем более всей Северной Америки. Отсюда – постоянная демонстрация «чувства беспокойства, угрозы, хрупкости [своего положения], тот же рефлекс отступления и отвердевания...» (Ibid., p. 185). Кроме того, комиссия отметила неадекватную реакцию квебекских СМИ на многие спорные случаи, связанные с разумными компромиссами, когда искажались факты, излагалась версия только одной стороны отношений и т.п. (Ibid., p. 74).

В разделе практических рекомендаций комиссия настаивала на необходимости последовательно укреплять светский характер государственных (провинциальных) институтов. В частности, предлагалось запретить ношение любой религиозной символики государственным служащим высшего звена, сотрудникам силовых структур и т.п. Однако о полном запрете данной символики в публичном пространстве речь не шла.

Комиссия также высказалась о необходимости жесткого контроля за тем, чтобы разумные компромиссы не нарушали положений действующего законодательства, особенно той его части, где речь шла о принципе равенства, гражданских правах и свободах⁴. Правительству рекомендовалось дать четкое определение понятия «разумный компромисс». В то же время практику разумных компромиссов комиссия поддерживала, как и интеркультурализм и франсизацию в целом. В итоговом докладе подчеркивалось, что Квебеку следует закрепить основные

принципы интеркультурализма на самом высоком уровне, подобно тому, как мультикультурализм прописан в канадской конституции.

Заключение

Квебекский опыт интеграции иммигрантов при сохранении собственной идентичности имеет очень большое значение для тех стран, которые сегодня сталкиваются с аналогичными проблемами. Несмотря на всплеск напряженности в обществе, Прекрасной провинции удалось погасить его, организовав масштабный диалог, в котором смогли принять участие все заинтересованные стороны. Комментируя работу комиссии, Иоланда Джеймс отметила, что именно возможность публично высказывать разные точки зрения способствовала нормализации обстановки. «Мы знали, что услышим возмутительные вещи, но <...> альтернативой было не позволять людям высказываться, что было бы гораздо хуже» (What, 2017).

На протяжении последних десяти лет в Квебеке продолжались дискуссии по тем вопросам, которые затрагивались в данной статье. Особенно остро стоял вопрос о законодательном закреплении принципов светскости, предполагающих запрет на ношение религиозной символики отдельными категориями служащих (в том числе работниками образовательных учреждений). Его пытались решить все провинциальные правительства независимо от партийной принадлежности. Соответствующий законопроект в 2011 г. внесли провинциальные либералы Ш. Шаре (закон № 94), а в 2013 г. – правительство квебекской партии П. Маруа (Хартия квебекских ценностей); оба законопроекта тогда не прошли. Однако в 2017 г. либералами Ф. Куйяра был принят закон № 62, запрещающий госслужащим и посетителям госучреждений закрывать лицо, а в июне 2019 г. правительство Ф. Лего (Коалиция за будущее Квебека) добилось принятия «Закона о светскости государства» (закон № 21) (Loi, 2019)⁵.

Квебек продолжает последовательно отстаивать свои ценности, оставаясь притом весьма привлекательным местом для иммигрантов, численность и этнокультурное разнообразие которых с каждым годом растет. Для Прекрасной провинции они представляют одновременно и вызов и стимул дальнейшего развития. И. Джонс сравнила идеальные отношения иммигрантов и принимающего общества с отношениями супружеской пары, которая может быть счастлива только при условии постоянных усилий обоих партнеров (What, 2017). Квебекский опыт подтверждает правоту данного утверждения.

Примечания

¹ Статья подготовлена по итогам командировки в Университет Монреаля (Канада) для проведения совместной научной работы в рамках «Мероприятия б» СПбГУ за первое полугодие 2019 г. Pure ID: 36164413.

² Прекрасная провинция (la Belle Province) – широко распространенное неофициальное название Квебека.

³ Новая демократическая партия – существующая с 1965 г. федеральная политическая партия Канады, придерживающаяся социал-демократических установок. Считается «третьей» политической силой страны (после либералов и консерваторов).

⁴ В докладе комиссии подчеркивалось, что его авторы отказываются от употребления термина «толерантность», так как, по их мнению, он несет в себе элементы иерархичности, а также патернализма и снисхождения к тем, кто «отклоняется от нормы».

⁵ Одним из первых следствий принятия этого закона стал демонтаж распятия, которое висело в зале заседаний Национальной ассамблеи Квебека.

Список источников

Конституции зарубежных государств. 2-е изд., испр. и доп. / сост. В.В. Маклаков. М.: БЕК, 1997. 586 с.

Accommodements raisonnables – Des fenêtres claires munies de stores pour le YMCA du Parc // Le Devoir. 2007. 20 mars. URL : <https://www.ledevoir.com/societe/135813/accommodements-raisonnables-des-fenetres-claires-munies-de-stores-pour-le-ymca-du-parc> (дата обращения: 14.01.2019).

Au Québec pour bâtir ensemble. Énoncé de politique en matière d'immigration et d'intégration / Gouvernement du Québec: Ministère des Communautés culturelles et de l'Immigration du Québec. Québec: Direction des communications, 1990. 104 p.

Autant de façons d'être québécois. Plan d'action à l'intention des communautés culturelles / Gouvernement du Québec: Ministère des Communications. Québec: Direction générale des publications gouvernementales, 1981. 78 p.

Bouchard G., Taylor Ch. Fonder l'avenir. Le temps de la conciliation: Rapport. Québec, 2008. URL: <https://www.mce.gouv.qc.ca/publications/CCPARDC/rapport-final-integral-fr.pdf> (дата обращения: 14.01.2019).

Canada-Québec Accord relating to Immigration and Temporary Admission of Aliens // Government of Canada. URL: <https://www.canada.ca/en/immigration-refugees-citizenship/corporate/mandate/policies-operational-instructions-agreements/agreements/federal-provincial-territorial/quebec/canada-quebec-accord-relating-immigration-temporary-admission-aliens.html> (дата обращения: 15.01.2019).

Canadian Multiculturalism Act // Government of Canada. URL: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/c-18.7/page-1.html> (дата обращения: 16.01.2019).

Culture publique commune et cohésion sociale : le contrat morale d'intégration des immigrants dans un Québec francophone, démocratique et pluraliste / Gouvernement du Québec: Conseil des relations interculturelles // Gérer la diversité dans un Québec francophone, démocratique et pluraliste. Principes de fond et de procédure pour guider la recherche d'accommodements raisonnables. Québec, 1994. 103 p.

Des accommodements raisonnables à la cabane à sucre! 2007. Le 19 mars. URL: <https://www.tvanouvelles.ca/2007/03/19/des-accommodements-raisonnables-a-la-cabane-a-sucre> (дата обращения: 14.01.2019).

Des vitres transparentes... avec des stores // Radio-Canada. 2007. Le 19 mars. URL: <https://ici.radio-canada.ca/nouvelle/345822/ymca-du-parc> (дата обращения: 09.01.2019).

La sinistrose chic // Vigile Québec. 2007. Le 26 août. URL: <https://vigile.quebec/articles/la-sinistrose-chic> (дата обращения: 14.01.2019).

Les accomodements raisonnables dans les cabanes à sucre. URL: https://groups.google.com/forum/#!topic/soc.culture.quebec/MvFHsxZ_FNo%5B1-25%5D (дата обращения: 21.01.2019).

Let the debate begin. Quebecers will finally have a chance to say how they really feel about accommodating newcomers, the Bouchard-Taylor commission says // The Gazette. 2007. 15 August. URL: <https://web.archive.org/web/20121026051327/http://www.canada.com/montrealgazette/story.html?id=ec4ec029-c021-4571-a25e-fa73850b3857&k=99148> (дата обращения: 14.01.2019).

Loi sur la laïcité de l'État // Asssemblée National du Québec. 2019. URL: <http://www.assnat.qc.ca/fr/travaux-parlementaires/projets-loi/projet-loi-21-42-1.html> (дата обращения: 17.07.2019).

Mémoire sur les accomodements raisonnables présenté par la ville de Sagueney. URL: http://classiques.uqac.ca/desintegration/tremblay_jean/memoire_accommodements/Memoire_accommodements_sept_2007.pdf (дата обращения: 14.01.2019).

Mémoire sur les pratiques d'accomodement reliées aux différences culturelles. Présenté par Yves Desrosiers. Trois-Rivières. 2007. Le 03 octobre. URL: <https://www.bibliotheque.assnat.qc.ca/.../AffichageFichier.asp...> (дата обращения: 14.01.2019).

Multani c. Commission scolaire Marguerite-Bourgeoys, [2006] 1 R.C.S. 256, 2006 CSC 6. URL: <https://scc-csc.lexum.com/scc-csc/scc-csc/fr/item/15/index.do> (дата обращения: 14.01.2019).

Montréal – Des données, une histoire : la diversité ethnoculturelle et l'inclusion au Canada // Statistic Canada. URL: <https://www150.statcan.gc.ca/n1/pub/11-631-x/11-631-x2019001-fra.htm> (дата обращения: 14.01.2019).

Municipalité d'Hérouxville. Les normes. 2007. Le 25 janvier. URL: <https://docplayer.fr/133807836-Municipalite-de-herouxville.html> (дата обращения: 14.01.2019).

Ontario Human Rights Commission and Theresa O'Malley (Vincent) vs. Simpsons-Sears Limited, [1985] 2 S.C.R. 536. URL: <https://scc-csc.lexum.com/scc-csc/scc-csc/en/item/101/index.do> (дата обращения: 14.01.2019).

Population by mother tongue and geography, 1951 to 2016 // Statistic Canada. URL: <https://www150.statcan.gc.ca/t1/tb11/en/tv.action?pid=1510000301> (дата обращения: 14.01.2019).

Pratiques d'accommodements reliées aux différences culturelles. Le premier ministre énonce sa vision et crée une commission spéciale d'étude / Gouvernement du Québec. Québec, 2007. Communiqué 6387.

Privilèges de stationnement selon la religion? 2007. 26 June. URL : <https://www.tvanouvelles.ca/2007/06/26/privileges-de-stationnement-selon-la-religion> (дата обращения: 14.01.2019).

Rosenberg vs. Outremont (City), 2001 CanLII 25087 (QC CS). URL: <https://www.canlii.org/en/qc/qccs/doc/2001/2001canlii25087/2001canlii25087.html#> (дата обращения: 14.01.2019).

Sikh student who won kirpan case now considers leaving Quebec // The Globe and Mail. 2013. 22 October. URL: <https://www.theglobeandmail.com/news/national/sikh-student-who-won-kirpan-case-now-considers-leaving-quebec/article15014254/> (дата обращения: 14.01.2019).

Teen's kirpan still sparks anger // The Globe and Mail. 2006. 3 March. URL: <https://www.theglobeandmail.com/news/national/teens-kirpan-still-sparks-anger/article4108538/> (дата обращения: 14.01.2019).

Un ambulancier expulsé à cause d'un sandwich au jambon! 2006. November 17. URL : <https://www.tvanouvelles.ca/2006/11/17/un-ambulancier-expulse-a-cause-dun-sandwich-au-jambon> (дата обращения: 14.01.2019).

What we can learn from Hérouxville, the Quebec town that became shorthand for intolerance // CBC News. 2017. 25 January. URL: <https://www.cbc.ca/news/canada/montreal/herouxville-quebec-reasonable-accommodation-1.3950390> (дата обращения: 14.01.2019).

Библиографический список

Коленеко В.А. Французская Канада в прошлом и настоящем: Очерки истории Квебека XVII–XX вв. М.: Наука, 2006. 314 с.

Куропятник А.И., Куропятник М.С. Интеркультурализм: постмультикультуральный дискурс социальной интеграции // Вестник РУДН. Сер.: Социология. 2018. Вып. 18, № 2. С. 250–261.

Balthazar L. Bilan du nationalisme au Québec. Montréal: L'Hexagone, 1986. 217 p.

Gagnon A.-G. Québec: État et société. Т. 2. Montréal: Québec–Amérique, 2003. 588 p.

Haroun S. L'État n'est pas soluble dans l'eau bénite : essai sur la laïcité au Québec. Montréal : Septentrion, 2008. 176 p.

Labelle M., Rocher F., Rocher G. Pluriethnicité, citoyenneté et intégration : de la souveraineté pour lever les obstacles et les ambiguïtés // Cahiers de recherche sociologique. 1995. № 25. P. 213–245.

McAnrew M. Competing Vision and Current Debates in Interculturalism in Quebec // CLCWeb: Comparative Literature and Culture. 2016. Vol. 18. Issue 4. URL: <http://docs.lib.purdue.edu/clcweb/vol18/iss4/3> (дата обращения: 11.01.2019).

McEwen N. Nationalism and the State: Welfare and Identity in Scotland and Quebec. Brussels: P.I.E.-Peter Lang, 2006. 212 p.

Milot M. Les principes de laïcité politique au Québec et au Canada // Bulletin d'histoire politique. 2005. Vol. 13, № 3. P. 13–27.

Pagé M. Intégration, identité ethnique et cohésion sociale // Pluriethnicité et société : construire un espace commun / Sous la dir. de F.Ouellet et M.Pagé. Québec : IQRC, 1991. P. 119–155.

Waddington D., Maxwell B., McDonough K. Cormier A.-A., Schwimmer M. Interculturalism in Practice: Québec's New Ethics and Religious Culture Curriculum and the Bouchard-Taylor Report on Reasonable Accommodation // Interculturalism, Education and Dialogue / Ed. by T. Besley and M.A. Peters. New York: Peter Lang, 2012. P. 312–329.

Дата поступления рукописи в редакцию 02.08.2019

ON HARMONIZATION OF THE VALUES OF IMMIGRANTS AND THE HOST SOCIETY: QUEBEC INTERCULTURALISM AND REASONABLE ACCOMMODATION' CONTROVERSIES (MID – SECOND HALF OF THE 2000s)

Yu. G. Akimov

St. Petersburg State University, Universitetskaya emb., 7/9, 199034, St. Petersburg, Russia

y.akimov@spbu.ru

The article deals with the debates on reasonable accommodation which took place in the Canadian Province of Quebec in the mid – second half of the 2000s. This stipulates adjustments made by the recipient community to accommodate and thus better integrate immigrants as carriers of other cultural / religious values. It shows the specificity of the Quebec model of interculturalism, which has gained international fame. The author emphasizes that the attitude of the French speaking *Québécois* community to immigrants was influenced by its dual position: the majority in the province of Quebec (by many indicators comparable to a middle Western European nation-state), but the minority in Canada. This explains its susceptibility to assimilation fears and its desire to use immigration as a source for replenishment for the *Québécois* nation, which, in turn, may lead to conflicts and/or mutual misunderstanding due to differences in the approaches / requirements / expectations of the majority and minority. The article provides examples of controversies related to the requests of representatives of minorities (mainly from the recent immigrants from the Third World countries) and the reaction of the French speaking *Québécois* majority, which, on the one hand, emphasizes its secularism and openness, but on the other – is not value-neutral, while maintaining a significant substrate of the French Canadian Catholic Heritage. It also analyses the policy of the provincial government on those conflicts. Attention is given to the activity and recommendations of *Consultation Commission on Accommodation Practices Related to Cultural Differences* (Bouchard-Taylor Commission) created by the Quebec Government in 2007. The author stresses the most important observations and recommendations contained in its final report.

Key words: Quebec, immigration, immigration policy, Quebec interculturalism, cultural convergence, reasonable accommodations, Bouchard–Taylor Commission.

References

- Balthazar, L. (1986), *Bilan du nationalisme au Québec*, L'Hexagone, Montréal, Canada, 217 p.
- Gagnon, A.-G. (2003), *Québec: État et société*, T. 2, Québec–Amérique, Montréal, Canada, 588 p.
- Haroun, S. (2008), *L'État n'est pas soluble dans l'eau bénite : essai sur la laïcité au Québec*, Septentrion, Montréal, Canada, 176 p.
- Koleneko, V.A. (2006), *Frantsuzskaya Kanada v proshlom i nastoyashchem: ocherki istorii Kvebeka XVII–XX vv.* [Past and Present of French Canada: Essays in Quebec history in the 17th – 20th centuries], Nauka, Moscow, Russia, 314 p.
- Kuropyatnik, A.I. & M.S. Kuropyatnik (2018), “Interculturalism: Posmulticultural Discourse of Social Integration”, *Vestnik RUDN. Seriya: Sociologiya*, Vol. 18, № 2, pp. 250–261.
- Labelle, M., Rocher, F. & G. Rocher (1995), “Pluriethnicité, citoyenneté et intégration : de la souveraineté pour lever les obstacles et les ambiguïtés”, *Cahiers de recherche sociologique*, № 25, pp. 213–245.
- McAnrew, M. (2016), “Competing Vision and Current Debates in Interculturalism in Quebec”, *CLCWeb: Comparative Literature and Culture*, Vol. 18, Issue 4, available at: <http://docs.lib.purdue.edu/clcweb/vol18/iss4/3> (accessed 11.01.2019).
- McEwen, N. (2006), *Nationalism and the State: Welfare and Identity in Scotland and Quebec*, P.I.E.-Peter Lang, Brussels, Belgium, 212 p.
- Milot, M. (2005), “Les principes de laïcité politique au Québec et au Canada”, *Bulletin d'histoire politique*, Vol. 13, № 3, pp. 13–27.
- Pagé, M. (1991), “Intégration, identité ethnique et cohésion sociale”, in Ouellet, F. & M. Pagé M. (ed.), *Pluriethnicité et société : construire un espace commun*, IQRC, Québec, Canada, pp. 119–155.
- Waddington, D., Maxwell, B., McDonough, K. Cormier, A.-A. & M. Schwimmer (2012), “Interculturalism in Practice: Québec's New Ethics and Religious Culture Curriculum and the Bouchard-Taylor Report on Reasonable Accommodation”, in Besley, T. & M.A. Peters (ed.), *Interculturalism, Education and Dialogue*, Peter Lang, New York, USA, pp. 312–329.